

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a woman with long, vibrant red hair wearing a red, long-sleeved dress with a corset-style bodice. She stands next to a man with long, flowing white hair and a black cloak. He has a white, cracked, mask-like face. They are positioned in front of a dark, rainy street scene with a stone archway and a lantern on the left. In the background, there is a large, ornate building with domes and minarets, resembling a mosque or a palace, under a dramatic, cloudy sky with hints of blue and orange light.

Милана Шторм

ПАТРУЛЬ:
последнее дело
Мышки и Сокола

18+

Милана Шторм

Патруль: последнее дело Мышки и Сокола

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59140154
SelfPub; 2025*

Аннотация

Они жили в разных мирах, но их миры обошлись с ними очень жестоко. Им пришлось погибнуть, чтобы встретиться в Паутине междумирья. Когда-то она была певицей. Когда-то он был простым солдатом. Теперь они – патрульные: те, кто находят и отправляют домой чужаков – путешественников между мирами. Работа эта опасная. Но Мышка и Сокол давно вместе и не боятся трудностей. Они понимают друг друга с полуслова. Но вот уже полтора века не замечают самого главного...

**ВНИМАНИЕ! В КНИГЕ СОДЕРЖИТСЯ
ОБУСЛОВЛЕННАЯ СЮЖЕТОМ СЦЕНА ПРИМЕНЕНИЯ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ.**

**УПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЛИ
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ВЫЗЫВАЕТ ЗАВИСИМОСТЬ
И НЕПОСРЕДСТВЕННО УГРОЖАЕТ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ
ЧЕЛОВЕКА.**

**ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И/ИЛИ**

ИХ АНАЛОГОВ, ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ И/ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПРЕДУСМОТРЕНА УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	37
Глава 3	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Милана Штурм

Патруль: последнее дело Мышки и Сокола

*Время теряет смысл, когда его невозможно
измерить по знакомым правилам.*

Андрэ Нортон. "Неизвестный фактор"

Пролог

Мелисса ежилась от холодного пронизывающего ветра, с тоской глядя на зеленый узор бесконечного леса внизу.

К сожалению, более активные движения были ей недоступны. Воздушный корабль, на котором они бежали с земли, доживал последние часы: амортизирующая подушка сдохла, и корзина раскачивалась от любого неосторожного движения.

Джон спал, чутко приподняв свои длинные ушки и подергивая хвостиком с пушистой кисточкой на конце. Мелисса ему завидовала: пусть шерстка у зверька была не очень густой, но от холода и сырости – вечных спутников высоты – спасала чуть лучше, чем шелковое платье для прогулок, пусть и многослойное.

Они летели уже почти двенадцать часов, и если Патруль в скором времени не появится, у них есть шанс выполнить главное условие: умереть правильно.

«Убить себя нельзя. Умолять убить – нельзя. Смерть должна быть правильной. И только познав правильную смерть, вы обретете свободу».

Мелисса передернула плечами от озноба, с радостью отметила, что у нее, кажется, начинается лихорадка, и повернула голову к западу, там, где расцветал оранжево-фиолето-

вый закат.

– Вот черт!

Их все-таки догнали. И Мелисса, прислушавшись к себе, поняла, что чувствует облегчение (у них с Джоном есть еще один шанс!) и раздражение (как же надоело ходить кругами!) одновременно.

Странный зверек, больше всего напоминающий толстого тушканчика с огромными ушами, открыл свои ярко-красные глаза и посмотрел на Мелиссу.

– Патруль, – виновато сказала она. – Пора вставать.

Джон на миг взъерошил серо-зеленую шерстку и, прыгнув на подол ее платья, быстро взобрался к ней на плечо. Издав звук, похожий на мурлыканье, он ласково боднул своей маленькой головкой ее щеку в утешающем жесте.

Мелисса погладила его и вновь уставилась на пару летунов, быстро приближающихся к ним. Летуны очень напоминали воздушных змеев ее родного мира, за ними даже хвосты волочились, напоминая разноцветный новогодний серпантин.

– Как ты думаешь, кто из нас в следующем измерении будет человеком? – отстраненно наблюдая за приближением Патруля, отлавливающего путешественников между мирами, спросила Мелисса. – А, может, мы уже доказали, что достойны называться людьми оба?

Джон сунул мокрый нос ей в ухо и оглушительно чихнул.

– Ты прав, – передернув плечами, согласилась Мелисса. –

Я тоже в это уже не верю. Но бороться мы не перестанем, ведь так?

Джон медленно закрыл свои красные глаза и кивнул.

Они никогда не перестанут бороться.

Мелисса обвязала вокруг себя страховочный трос, а конец его положила рядом с крепежным кольцом, внушая себе и высшей силе, что она хорошенько его закрепила. Подобное внушение никогда не срабатывало: тот, кто обрек их на это вечное путешествие, всегда внимательно следил за их очередным исходом. Следил, чтобы они умирали «правильно». И возрождались там, где он захочет.

Но попытаться никогда лишним не будет.

Откинув люк аварийного выхода, Мелисса склонилась над ним, во все глаза рассматривая зеленый лес внизу.

Умирать будет больно, чего уж там. Наверняка она вся переломается, ухнув с высоты на вековые деревья. А уж сколько поломают веток...

Джон спрыгнул с ее плеча и тоже сунул мордочку в открытый люк. Потом вопросительно посмотрел на Мелиссу, будто предлагая ей сыграть в «камень-ножницы-бумага» чтобы выяснить, кто же будет прыгать первым.

– До встречи в следующем мире? – несмотря на все попытки сдерживать эмоции, Мелисса почувствовала, что по ее щекам текут слезы. – Пусть там нам повезет больше, – выдавливая из себя улыбку, прошептала она.

Джон вновь чихнул и, больше не раздумывая, прыгнул в

люк.

– Э-ге-гей! – поддержав себя залихватским криком, Мелисса прыгнула следом. Раскинув руки, она пыталась представить себя птицей, которая вот-вот взмахнет крыльями и полетит. Но она ведь и так летит, правда? Да, она летит вниз, но все равно: это ли не свобода? Это ли не вечность? Краем глаза она видела летящего рядом Джона.

У них еще будет шанс, главное в это верить.

... умирать действительно было опять очень больно.

– Знаешь, я думаю, что эта цыганка просто решила над нами поиздеваться! Потому что, в общей сложности, мы с тобой отбываем свой срок уже около сотни лет. Мы сменили больше сорока обличий каждый, а это значит – прожили, как минимум, сорок жизней. Мы все еще вместе, Мел, и все еще хотим быть рядом. По-моему, мы уже давно доказали друг другу истинность нашей любви. Тогда почему мы до сих не можем быть просто счастливы?

Мелисса открыла глаза и встряхнулась. Подняв голову, она обнаружила Джона – мужчину, которого она любила, и с которым когда-то захотела прожить всю жизнь.

– Из тебя получилась прелестная пантера! – Джон улыбался, но в его глазах застыло отчаяние. Застарелое чувство безнадежности: они обречены вечность скитаться по мирам

и жизням, сохраняя верность друг другу и не имея возможности быть вместе как мужчина и женщина.

И все потому, что в день своей свадьбы, изрядно выпив и отправившись на прогулку, обидели старую цыганку. На самом деле, Мелисса уже толком и не помнила, что они сделали. Кажется, толкнули ее в лужу или типа того. Кажется, они смеялись над тем, как она барахтается в грязи, кажется, кричали, что сегодня – в день, когда они стали единым целым – им можно все.

Обиженная старуха поднялась, толкнула их обоих в ответ и сказала: «Да будете вы будете обречены на скитания. Вам не удастся более насладиться объятиями друг друга. Пока вы не докажете себе самим, что ваша любовь – истинна. Через смерть вы найдете выход. Но есть одно условие: убить себя нельзя. Умолять убить – нельзя. Смерть должна быть правильной. И только познав правильную смерть, вы обретете свободу. И обретете свое счастье вновь».

Мелисса почесала ухо задней лапой, повела ушами и шуточно цапнула Джона за бежевую штанину.

Было жарко.

– Пошли, посмотрим на новый мир? Надеюсь, здесь принято заводить себе домашних пантер, иначе придется хорошенько встряхнуть это общество! А с Патрулем я в этот раз разберусь. Обещаю, Мел. Мы должны умереть правильно.

Мелисса взмахнула хвостом и согласно мурлыкнула.

Она любила Джона, а он любил ее.

И то, что они все еще хотели бороться, являлось тому несомненным доказательством.

Летуны, что напомнили Мелиссе воздушных змеев, снижались медленно: очевидно искали место для посадки. В итоге, на небольшую полянку, залитую солнечным светом, приземлиться смог только один. Издалека напоминающий бумажный самолетик, летун был выполнен из прочнейшего металла, который встречается в мире Энова – шаранга. Матово-белый, он действительно казался хрупким... вот только поставить вмятину на выполненном из шаранга механизме было практически невозможно.

Размером летун был с пассажирский омнибус, но из-за большого количества содержимого отсека двигателя, места там было немного: из приземлившегося летуна вышло всего пять человек: красноволосая женщина лет двадцати – двадцати-пяти, одетая в облегающую блузу, кожаные штаны и высокие сапоги, сжимающая в руках револьвер; три парня, облаченные в местные армейские мундиры, и *еще один*. Некто в длинном черном плаще с капюшоном, нетипичном ни для установившейся погоды, ни для мира Энова вообще. Разглядеть его лицо было невозможно: единственное, что можно было о нем сказать – его волосы белые, словно снег – спутанные космы свисали почти до пояса.

Трое в мундирах вытащили оружие, напоминающее штык-ножи и, переглянувшись, углубились в лес. Красноволосяя и *еще один* застыли, не решаясь последовать их примеру.

Не промолвив ни слова, не обменявшись ни взглядом, они одновременно двинулись на восток. Лес порадовал их кочками, корягами и чавкающей грязью, но спутники будто не замечали этого. Они просто шли сквозь чащу, не обращая внимания ни на падающие на них сухие ветки, ни на препятствия в виде упавших деревьев или разросшегося подлеска.

Что-то неведомое вело их, и через пару четвертей часа они нашли то, что искали. Изломанные трупы. Молодой женщины и зверька с хвостом, украшенным кисточкой.

Красноволосяя склонилась над изломанной и на всякий случай пощупала пульс. Конечно, его не было! Ее беловолосый спутник поднял зверька за хвост и с силой бросил прямо в ствол векового дуба. Послышался противный хруст.

– Они ушли... они опять удрали, Сокол! – лицо красноволосяй скривилось в гримасе отчаяния.

Ее спутник подошел к дереву, вновь поднял зверька... и начал колотить им по стволу, превращая безжизненную тушку в кровавое месиво.

– Ты понимаешь, что это значит?

Шмяк... шмяк... чавк...

– Сокол! – ее голос, несмотря на отчаяние, звучал мелодично. Пожалуй, она могла бы петь в Опере, если бы хотела.

– Понимаю, Мышка, – голос *еще одного*, напротив, звучал скрежетом металла по стеклу. – Я все понимаю... мы пропали – вот, что это значит.

Глава 1

*Хорошие мысли нужно превращать в действия.
Андрэ Нортон. "Неизвестный фактор"*

Нити Паутины междумирья сверкали, словно покрытые бриллиантовой крошкой, переливаясь всеми цветами радуги. Некоторые нити были ослепительными, некоторые – более тусклыми, но общая картина всегда завораживала. Мышка, возвращаясь с рейдов, всегда любила замереть на несколько минут, любуясь этим великолепием, но только не сегодня. Потому что, судя по всему, сегодня ее уволят. А досрочное увольнение из Патруля – это страшно. Это лишение всех лицензий (как минимум на убийство и перемещения между мирами), никакой пенсии, и самое ужасное – удаление из памяти всех событий, которые связаны с Патрулем.

Сокол шагал с ней плечом к плечу, и смотреть на него было откровенно страшно: белые волосы спутаны, на губах играет злая улыбка, а глаза, которые по прибытию в междумирье он больше не скрывал, внушали некоторый страх даже привычной к его облику Мышке. Покрытые многочисленными мелкими шрамами, напоминающими прожилки вен, веки и отсутствие зрачков заставляли многих подумать, что Сокол – слепец, но это было совсем не так. Лучшего зрения,

чем у этого человека, еще надо было поискать. Сокол мог разглядеть пылинку на плече мундира Первого, увидеть отблеск объектива винтовки на расстоянии трехсот метров и различить черты лица человека, идущего по улице, стоя на крыше двадцатипятиэтажки.

Шептались, что глаза Сокола стали такими после того, как он попал в плен к эльфирцам – жуткой расе паукообразных существ в мире Ширано. Шептались, что у Сокола нет сердца, и он не в силах испытывать нежность или привязанность. Шептались, что под его вечными черными одеяниями скрываются еще более жуткие шрамы.

Мышка, проработавшая с Соколом в паре полтора века, знала, что все это неправда. Хотя, насчет шрамов она была не уверена – никогда не видела напарника без одежды.

Они шли по Радужному Мосту – одному из ответвлений Паутины, ведущему из Черной Комнаты к базе Патруля, в угрюмом молчании – говорить было не о чем, да и не имело смысла сотрясать воздух тогда, когда все было ясно без слов: в этот раз они попали по полной. Два штурмовых отряда для подкрепления и полный провал. Снова. Сорок второй по счету.

Последнее дело оказалось с большим подвохом.

Мышка почувствовала злость. Это ведь Первый во всем виноват! Ведь изначально это дело было поручено другим людям: Горе и Цапле – самой «веселой» парочке патрульных, предпочитающих клиентов развоплощать, а не отправ-

лять обратно в родной мир. Вот «эти» и предпочитали покончить с жизнью, едва увидев Патруль, не зная, что именно Мышка и Сокол – их единственная надежда вернуться домой.

А то, что «эти» хотят вернуться у Мышки сомнений не было.

«Эти» – было единственным приличным словом, которое приходило в голову Мышке, когда она думала о фигурантах ее последнего дела, растянувшегося почти на сотню лет. Попаданцы поневоле – таких полно, но отнюдь не каждого при этом еще и проклинают. И вместо того, чтобы обратиться к тем, кто может им помочь, «эти» предпочитали сдохнуть и перевоплотиться в новом мире. Не будь «эти» такими упрямыми – Мышка и Сокол давно бы уже были на пенсии, почив на лаврах.

Именно что почив, потому как уход из Патруля предполагал освобождение от бессмертия. И Мышка уже давно мечтала избавиться от вечной молодости – ей было будто тесно в своем теле. Иногда, в те минуты, когда на нее накатывала безмятежность, она шутила, что частые головные боли у нее от того, что ее мозг стал слишком большим и черепная коробка молоденькой девушки его больше не вмещает. Сокол лишь грустно улыбался и ничего на это не отвечал, но Мышка была абсолютно уверена, что он тоже устал от бессмертия. Патруль – это отказ от жизни, и, как выяснилось, вечная молодость при этом не сильно радует.

По правилам Патруля перед уходом на пенсию все порученные дела должны быть закрыты. Дело «этих» растянулось для Мышки и Сокола на девяносто лет. И все еще было не завершено.

Радужный Мост кончился, и перед Мышкой и Соколом предстала стеклянная гладь Патрульного Острова – сверкающие самоцветы зеленых кустарников, кроваво-красные розы многочисленных цветников и сверкающая бриллиантами дорожка, ведущая к скучному серому шестиэтажному зданию – базе Патруля, единственным украшением которого был покрашенный зеленоватым налетом колокольчик над обшарпанной деревянной дверью. Провалы окон зияли чернотой, заставив Мышку поежиться в ожидании неминуемой взбучки от Первого.

– Не отставай, – прокрипел Сокол, первым ступая на искристую тропу, сотканную из бликов света. – Все равно выволочки не миновать.

Мышка шмыгнула носом, повела головой, бросив взгляд на Веселый Остров, паривший вдалеке, и потопала следом за напарником. Он прав: быстрее получают тумачков, быстрее оправятся. И вновь примутся за работу... опять надо вычислить в сотнях миров Паутины «этих», создать портал и... нет, если они провалятся в сорок третий раз это будет уже не смешно!

Стоило им пересечь порог базы, как личины, надетые ими в мире Энова, сползли с них, словно плохо закрепленные за-

навески. Сокол перестал казаться мускулистым великаном и превратился в долговязого седого дистрофика со страшными шрамами на лице, а Мышка стала... мышкой: непонятно-го цвета волосы, дипломатично называемые русыми, серые глаза и нос картошкой. Когда она все-таки уйдет на пенсию – попросит оставить ей красные волосы, которые она всегда «надевает» на дело. Это не так уж и важно, но проводя годы в разных мирах, она привыкла к красной шевелюре. И прозвище «Мышка» воспринимала как шутку, а не констатацию факта.

Впрочем, сейчас Мышке было точно наплевать, как она выглядит: форменные штаны и китель обезличивали всех. Всех, кроме идущего чуть впереди Сокола, потому что его страшные шрамы были *настоящими* и бельма глаз пугали многих.

Первый сидел в своем кабинете в самой непринужденной позе, и Мышка на миг понадеялась, что сорок второй провал последнего дела сойдет им с рук. Но не тут-то было.

– И как это понимать? – Первый был представителем расы норнов из мира Горры, а это значило, что он на полголовы возвышался над Соколом, которому в свою очередь, Мышка доставала едва ли до плеча. Бледная кожа начальника в неровном свете оранжевых ламп казалась перламутровой, а глаза горели зеленым огнем. В прямом смысле этого слова. – Сколько людей я должен вам дать, чтобы вы поймали двух несчастных попаданцев, один из которых всегда зверь нера-

зумный?

– Разумный... – буркнула Мышка.

– *ЧЕГО?* – прогремел Первый, вскакивая со своего шикарного кресла, в котором Мышка всегда мечтала посидеть – хотя и признавала, что скорее всего в нем утонет.

– Я сказала, что зверь разумный. А не это... – под горящим взглядом Первого Мышка быстренько заткнулась и втянула голову в плечи. Сильно захотелось спрятаться за спиной напарника, но, судя по прищуренным глазам Сокола, тот был ею очень недоволен.

Он прав, конечно. С начальством не спорят, особенно после того, как напортачили. В сорок второй раз.

– Виола, – Первый снизил тон, – ты понимаешь, что сейчас тебе лучше просто молчать и всеми силами показывать мне, до какой же степени ты раскаиваешься в своем провале.

Мышка еще сильнее съежилась. Когда Первый называет тебя по имени – жди беды. Неужели, их все-таки разжалуют?

Обидно: полтора века отпахать в Патруле и вылететь из него без права на пенсию!

– Она раскаивается, господин Первый, – подал голос Сокол и сделал шаг в сторону, закрыв ее собой.

Мышка почувствовала, как внутри разливается бесконечная благодарность к напарнику, потому что смотреть в зеленый огонь глаз Первого она больше не могла. Вместе с благодарностью, она почувствовала острый укол комплекса неполноценности: она чувствовала себя не очень уютно, на-

ходясь в небольшом помещении с двумя огромными мужчинами.

Маленький рост для женщины не помеха? Возможно, только не в такие моменты, когда ты чувствуешь себя букашкой, которую никто не хочет воспринимать всерьез. А на фоне череды неудач... Сокол очень вовремя прикрыл ее, это точно.

– В общем, так, – Первый снова уселся в кресло, и Мышке стало немного легче. – Вы в очередной раз провалились. Я не буду долго распинаться, и скажу, как есть: больше подкрепления не ждите. Разбирайтесь с этим делом сами. У вас есть на это два местных месяца, а потом я буду вынужден от вас избавиться. Вы сами понимаете, каким образом. Вы оба слишком задержались в Патруле.

Мышка вытаращила глаза. И это все? А где же ругань, долгие нотации и угрозы развоплощения? Что-то Первый слишком добр. Только потом до нее дошло, что он сказал. Подкрепления больше не будет сколько не запрашивай, а это значит, что теперь они с Соколом остались вдвоем. Ни засаду организовать, ни окружить «этих» уже не получится.

С другой стороны – с подкреплением тоже толку никакого не было...

Осторожно выглянув из-за спины напарника, Мышка посмотрела на Первого. Тот развалился в кресле, держа в руках ярко-желтый лист бумаги, и делал вид, что его полностью поглотило чтение. Глаза его горели уже не зеленым, а голу-

бым огнем, что вроде как означало, что он спокоен. Только желтые искорки выдавали его. Что-то тревожило начальника Патруля, и оставалось только надеяться, что это не связано с последним делом Мышки и Сокола.

Ушли не прощаясь, как и было заведено, а когда они миновали порог унылой базы, Мышка вновь надела на себя красную шевелюру и легкое струящееся платье из алого шелка. Здесь, в Паутине междумирья, сверкающей самыми невероятными цветами, хотелось быть такой же красивой, как и пространство вокруг. Сокол тоже сменил китель на привычный глазу черный плащ с капюшоном – пусть в Паутине его давно уже знали, он все равно предпочитал прятать свою отталкивающую внешность.

Остановившись посреди бриллиантовой дорожки, напарник повернулся к ней.

– Ну что, пошли отметим очередную неудачу и по домам? – хрипло предложил он.

Мышка пожала плечами. После мира Энова действительно хотелось посидеть в каком-нибудь уютном местечке – за два месяца, которые заняли поиски «этих» она чуть не взвыла от тоски – религия тамошних жителей предполагала полный отказ от мирских радостей типа посиделок с друзьями в таверне или пабе, прогулок в парке под луной и прочих радостей жизни. Непонятно, как «эти» не самоубились еще до того, как их нашли.

– За неудачу определенно надо выпить, – решила Мыш-

ка. – Кто будет платить в этот раз?

– Разберемся, – скрипнул Сокол, и Мышка поняла, что платить будет он. Ну что ж, Энтони Пол, которого здесь все знали, как патрульного по кличке Сокол, в своем репертуаре.

Свернув по одному из ответвлений бриллиантовой тропы, они дошли до края Патрульного Острова и ступили на сотканную из тьмы поверхность Обсидианового Моста, ведущего на Веселый Остров, на котором располагались лучшие увеселительные заведения Паутины. Всего Островов, доступных для посещения патрульным было пять: собственно Патрульный, Веселый, Остров Порталов который все называли Черной Комнатой, Выющийся Остров, где располагались служебные квартирки Мышки и Сокола, и Остров Знаний – по сути огромная библиотека, состоящая из коридоров, заваленных древними свитками, фолиантами, справочниками, дисками, флэш-накопителями, голографическими проигрывателями и прочими средствами сохранения знаний, придуманных в сотнях миров, которые и соединяла между собой Паутина.

Сама же Паутина была настолько огромна, что Мышка за полтора века так и не познала ее размеров, остановившись на том, что она не имеет границ. И это утверждение, наверняка, было правильным.

Обсидиановый Мост был широк, но Мышка, как всегда, шла ближе к краю, любуясь на несчетное количество нитей: белых и синих, красных и голубых, зеленых и желтых, багро-

вых и фиолетовых. Серых и почти прозрачно-тусклых. Каждая из них была целым миром, пронизывающим время и пространство, которые здесь, в Паутине, не подчинялись никаким законам. Вспомнив про данные им два месяца на закрытие дела «этих», Мышка хмыкнула. Местные два месяца могли растянуться на миллионы лет или стать мигом, поэтому срок Первый им дал не маленький. Конечно, если правильно использовать этот срок.

– Мышка...

Скрипучий голос Сокола вывел ее из раздумий, и она обнаружила себя стоящей на краю Обсидианового Моста. Носки ее удобных туфельек на небольшом каблучке свисали над разноцветной бездной междумирья, в которой сверкали мириады звезд. Вот это ее заворожило! Так и упасть недолго! Мышка почувствовала, как сильные пальцы напарника сжали ее предплечье. Они были холодными, и Мышку передернуло от озноба. Заставив ее отступить от края Моста, Сокол отпустил ее и отвернулся.

– Осторожней надо быть, – буркнул он. – Пошли.

Мышка благодарно кивнула, забыв, что на спине у напарника глаз нет, и послушно пошла вслед за ним, больше не пытаясь разглядывать раскинувшееся вокруг великолепие Паутины.

Вот уже полтора века она служила в Патруле, но междумирье все еще восхищало ее, и каждый раз, оказавшись здесь, она вела себя, так, будто попала сюда впервые.

Обсидиановый Мост кончился, и напарники ступили на изъеденную порами землю Веселого Острова. От даже небольших каблучков пришлось отказаться: они проваливались в многочисленные дыры, напоминающей расплавленный песок поверхности, и Мышка преобразовала туфли в удобные ботинки. Платье же укоротила, добавив к облику ярко-красные чулки в крупную сетку и превратив широкие рукава в тонкие бретельки. При этом она не боялась выглядеть вульгарно – на Веселом Острове все одевались кто во что горазд. Пожалуй, ее облик даже недостаточно вызывающий, а Соколу, чтобы выделиться, достаточно снять капюшон.

Даже завидно немного – патрульные при желании могли менять цвет волос и одежду, но лицо... лицо всегда оставалось одним и тем же, а Мышка никогда не была довольна своей внешностью. Слишком простая – ни тебе длинных ресниц прям до бровей, ни ярко-очерченных скул, ни губ бантиком.

Зато есть нос-картошка (маленькая, аккуратная, но – картошка), невыразительные глаза и безвольный подбородок.

Мышка не зря носила свое прозвище.

По крайней мере, она так думала.

ХЛОП! БАХ!

Мышка вздрогнула и подняла голову. На небе расцветал великолепный цветок из искр. Неподалеку кто-то запускал фейерверк.

БАХ!

Еще один, уже не цветок, а зеленая ящерица, рассыпавшаяся через мгновение на сотни тысяч звезд. Мышке даже показалось, что искры не гасли, а превращались в мерцание Паутины.

Что ж, для Веселого Острова подобное – совершенно нормально.

– «Карнавал» тебя устроит? – услышала она скрипучий голос Сокола.

«Карнавал»... почему бы и нет? Несмотря на помпезное название, этот бар – один из самых тихих на Веселом Острове – то, что нужно для уставшего патрульного, вернувшегося с задания и получившего выволочку от начальства. С другой стороны – больше шансов встретить знакомых.

Представив, как она вновь будет рассказывать кому-то об очередной неудаче, Мышка мысленно застонала. Будь они прокляты, эти «эти»!

Но Сокол не виноват – Мышка ни разу не подумала, что во всем виноват устрашающий вид или непрофессионализм напарника. Нет. Они виноваты оба – и Мышка очень надеялась, что стоящий рядом с ней беловолосый патрульный думает так же.

– Конечно, устроит! – выдавила улыбку Мышка. Получилось, очевидно, плохо потому что Сокол, глянув на то место ее лица, что у нее было вместо улыбки, нахмурился (под натянутым капюшоном видно не было, но за полтора века Мышка замечала такие вещи по степени сжатости губ).

– Если хочешь, мы можем разойтись по домам, – сказал он.

– Нет! – воскликнула Мышка. – «Карнавал» – это прекрасно! Пойдем!

Еще не хватало ей домой отправиться... это же надо вновь по Мостам пробираться... а сейчас Мышка очень хотела просто отдохнуть. Дома из приличных вещей только кровать, а спать не хотелось совсем. Что странно, если вспомнить, что они сутки провели в рубке летуна, а потом, после того, как в очередной раз провалились, сразу отправились в междумирье.

Какое это дыхание? Третье? Пятое?

Мышке было все равно.

Сейчас она хотела выпить черного эля, который в «Карнавале» был просто невероятно вкусным, посмотреть на красиво одетых людей вокруг и хорошо провести время с напарником. Молчаливым, потому что его скрипучий голос, кажется, раздражал его самого, что только возвышало его в глазах Мышки. В те времена, когда она еще знать не знала о Патруле и о том, что существует бесконечное множество вселенных, она весьма сильно устала от пустых слов.

Теперь она научилась ценить молчание. И это было прекрасно.

«Карнавал» встретил их веселым гомоном разношерстной публики, гремющей музыкой в стиле «я убью твои уши ба-сами» и умопомрачительным запахом специй, которые здесь

щедро добавляли во все блюда и напитки. Оглядевшись, Сокол и Мышка даже не глядя друг на друга, синхронно шагнули к столику возле сцены. За полтора века сотрудничества они провели за ним столько часов, что выбор был очевиден.

Сегодня владелец «Карнавала» решил включить голографическую запись выступления какого-то танцевального коллектива. Судя по одежде – из мира Курон, где плавные движения рук были призывом к любовному акту. Судя по обилию таких плавных движений – ребята танцевали то, что в некоторых мирах называлось «брачные танцы». Танец совершенно не соответствовал ритмичной музыке, которая играла в зале.

Мышка с сожалением посмотрела на разодетых в яркие перья женщин и села спиной к сцене. Ей больше нравилась живая музыка, и сейчас она с большей охотой посмотрела бы на какого-нибудь менестреля из захолустного мира, где технологии не шагнули дальше бороны и пороха. Сокол же, наоборот, сел напротив и, откинув капюшон, с удовольствием разглядывал танцующих на сцене. Мышка вспомнила, что он – выходец из мира Курон, и понимающе усмехнулась.

– Чего желаете? – возле столика материализовался официант. – Сегодня в меню...

– Принеси бутылку рогабаля и кружку черного эля, – прохрипел Сокол. – И на закуску чего-нибудь.

– Соленые орехи и мясные чипсы на закуску нас вполне устроят! – вмешалась Мышка.

Официант повернул к ней голову, и давно не смазанные шарниры, соединяющие его голову и плечи, противно закрипели. Мышка поморщилась – в штате «Карнавала» кого только не было, но им почему-то всегда доставался уродливый человекоподобный механизм, из ушей которого валил пар.

– Счет принести сразу, госпожа? – осведомился механизм... то есть, официант.

– Не стоит, – буркнул Сокол. – Возможно, мы захотим чего-нибудь покрепче. Потом.

Официант сделал попытку поклониться, отчего послышался еще более противный скрип, столь явственный, что даже несмотря на грохочущую вокруг музыку, у Мышки свело зубы.

– Покрепче? – осведомилась она, когда полуразвалившийся механизм удалился. – Что может быть крепче рогабалья? И зачем ты заказал целую бутылку?

Рогабаль – напиток ее родного мира, а Мышка ненавидела все, что было с ним связано. С миром, конечно, а не с напитком. Вкуса у рогабалья не было. Единственный раз, когда понастоящему молодая Виола Жармин попробовала этот напиток, он показался ей жидким огнем, который чуть не выжиг ей горло. Больше Виола Жармин, ставшая впоследствии Мышкой, не пробовала пробовать рогабаль.

– Бутылку! – повторила она, закатив глаза.

– Абсент, – ответил Сокол, глядя на нее.

– Что?

– Абсент. Есть такая зеленая вода в одном из миров. Он крепче рогабалья. Говорят, после него появляются зеленые феи.

– Еще зеленых фей нам с тобой не хватало, – пробурчала Мышка. – Мы вроде хотели отдохнуть, а не напиться.

– Одно другому не мешает, – он вновь устоялся на сцену. – По-моему, отмечать неудачу нужно именно так, а не кружкой кваса.

– Черного эля!

– А есть разница?

Мышка сердито посмотрела на напарника, мысленно усмехаясь. Ворчливый Сокол ей нравился определенно больше Сокола молчаливого. Но то, что напарник собирался напиться в хлам, не радовало. Нет, она не боялась, что он будет буяннить или типа того, но по устоявшейся за полтора века традиции они не уходили из заведений Веселого Острова поодиночке. Представив, сколько времени понадобится напарнику, чтобы оприходовать целую бутылку напитка, который пьют маленькими стопочками, Мышка мысленно застонала.

А потом подумала, что это даже хорошо – все равно в квартирке на Вьющемся Острове ее никто не ждет.

По сути, ее уже давно никто не ждет.

Нигде.

И никогда.

Когда скрипящий на весь «Карнавал» официант принес

им заказ, Мышка успела даже созреть для того, чтобы помочь напарнику расправиться с его бутылкой. В конце концов, с тех пор, как она в последний раз пила эту дрянь, прошло много времени. Виола Жармин была смертной, а вот Мышка – нет. Может, ей тоже понравится?

Но сначала – черный эль. Молча чокнувшись огромной кружкой с маленькой хрустальной стопочкой напарника, она с наслаждением сделала первый глоток. Первый глоток – он всегда самый вкусный. Потом язык привыкает, и аромат становится не таким ярким, а вот сначала... Почувствовав терпкий привкус специй, Мышка с наслаждением зажмурилась.

Жизнь перестала казаться чем-то совсем уж плохим. Облизав губы, она буквально уткнулась носом в кружку.

– Не утони, – услышала она скрипучий голос Сокола.

Открыв глаза, Мышка обнаружила, что у напарника все с точностью, да наоборот: после выпитой стопки рогабаля он стал еще мрачней. Льющийся с потолка синеватый свет отражался в бельмах его глаз, а шрамы вокруг век стали казаться вздутыми венами. Но не это заставило Мышку напрячься: поджатые бескровные губы Сокола говорили о том, что он очень сердит.

– Что не так? – осторожно поинтересовалась Мышка.

А потом поняла, что.

– Ну надо же, какие лю-у-уди-и-и! – противно растягивающий слова голос заставил поежиться. – Сокол и Мышка собственными персонами пожаловали! Судя по вашим ли-

цам, ребята, вы опять провалились?

– Голубка! – с трудом растянув губы в якобы приветливой улыбке, Мышка повернула голову и уставилась на подсевшую к ним девушку. Облаченная в мини-юбку из ярко-желтой кожи, малиновую полупрозрачную кофточку, под которой угадывался голубой бюстгальтер, и нежно-зеленые ботфорты, девушка производила неизгладимое впечатление. Особенно на представителей противоположного пола. Возможно, дело было в ярких синих глазах, черных волосах и идеальной фигуре. А возможно – в чем-то ином, что понимание Мышки было недоступно. – Рада тебя видеть, *дорогая*

Голубка сложила выкрашенные фиолетовой помадой губы красивым бантиком.

– Вот ничем вас не проймешь! Даже завидно! – сбросив маску манерной дурочки, сказала она. – Ты беситься вообще умеешь, а, Мышка?

– Умеет, – ответил за Мышку Сокол. – Я видел.

Голубка усмехнулась.

– Так значит, я права? Провалились?

Мышка вздохнула. Что тут скажешь? Если бы их миссия обернулась успехом, и они схватили бы «этих», вряд ли их можно было встретить здесь с бутылкой рогабаля и кружкой черного эля. Успех так не отмечают, чего уж там.

– Если ты пришла позлорадствовать, то делай это, а потом вали отсюда. И так тошно.

– Да что ты, Мышь... ты же знаешь, что я никогда бы...

– Тогда чего пришла? – нелюбезно поинтересовался у Голубки Сокол, а Мышка с удовольствием отметила, что шикарная во всех смыслах коллега пытается в сторону ее напарника не смотреть.

– Ну... это... прошел слух, что Первый вас поддержки лишил... я...

– Это когда, интересно, слух успел пройти? – подобралась Мышка. – Мы только-только от Первого, между прочим!

Голубка втянула голову в плечи и поморщилась.

– Слухи давно ходят. Ну... что Первый к вам неровно дышит.

– *Чего?!*

– Что он вас двоих не очень любит, – поправились Голубка. – Как бы это даже понятно: ладно Мышка, но ты, Сокол, мог бы хотя бы волосы покрасить, что ли... а то ходишь, как смерть... как тебя вообще в Патруль взяли?

– Не смогли отказать, – горько усмехнулся Сокол.

Мышке тоже захотелось усмехнуться вместе с ним. Они оба знали, что покраска белоснежных волос только усугубит ситуацию. Пробовали уже...

То, что Первый Мышку и Сокола не очень любит, они знали, но раньше это не выходило за пределы его кабинета. Сболтнул кому-то лишнего? Может, поэтому, несмотря на долгую череду неудач, им все-таки не отказывали в подкреплении? А теперь у Первого вполне логично закончилось терпение.

– И долго ходят эти слухи? Полчаса?

Голубка хмыкнула, и ее лицо приобрело торжествующее выражение.

– Полвека! – провозгласила она.

Мышка вздохнула. Точно – кому-то сболтнул, и пришлось своих нелюбимчиков делать любимчиками. Но после сорок второй неудачи уже как бы даже логично вышвырнуть их из Патруля, и дело с концом. Но их просто лишили подкрепления...

Удачно слухи пошли, ничего не скажешь!

– Шла бы ты отсюда, Голубка, – прокрипел Сокол. – Меня от тебя тошнит.

– Просто ты – жалкий импотент, – Голубку, очевидно, тон мышьиного напарника задел. – Кроме тебя, между прочим...

– ...никто не отказался с тобой переспать? – бельма глаз Сокола сверкнули. – Или я не один такой, и нашелся еще кто-то благоразумный?

Голубка вспыхнула, а Мышка обнаружила, что у нее отвисла челюсть. Первая красавица Патруля пыталась соблазнить Сокола?

Пыталась.

Соблазнить.

Сокола?!

Не то, чтобы Мышка считала своего напарника уродом, но представить шикарную во всех смыслах Голубку, которая

пытается соблазнить израненного шрамами Сокола, а не наоборот, так и не смогла.

Фантазии определенно не хватало.

– Как ты с ним работаешь? – Голубка повернулась к Мышке. – У него хоть слюна не ядовитая?

– Я не знаю, – безучастно ответила та, все еще находясь в прострации. – Не пробовала.

Сокол наполнил свою стопку.

– Уходи, Голубка, – лениво сказал он. – Дай нам спокойно отдохнуть.

Мышка в глубине души была совершенно с напарником согласна: разговор с коллегой ее явно утомил. Повернув голову, она уставилась на сцену, где голограммы танцовщиц в перьях продолжали плавные движения руками.

– Не надо было так с ней, – когда Голубка, пару раз фыркнув, удалилась, заметила она.

– А как надо было? Все-таки переспать? – осведомился Сокол, и в его тоне Мышке почудился вызов.

– Да я не об этом... – мысль о соблазняемом напарнике так в голове и не уложилась. – Она вроде к нам по-доброму... зачем ссориться?

– Затем, Мышка, что эта якобы «доброта» очень плохо пахнет. Я ей отказал, а такие, как она, не терпят отказа.

– Как ты мог ей отказать? – Мышка сделала большой глоток эля и с восхищением уставилась на напарника. – Это же Голубка!

– И что? – Сокол сощурился и опрокинул в себя еще одну стопку рогабалы даже не поморщившись.

– Ну... она красивая... очень.

Напарник ничего не ответил.

Больше к ним никто не подходил, и Мышка с Соколом спокойно отметили свою очередную неудачу, любуясь голограммой на сцене. Захмелев, напарник стал еще более хмурым, но Мышке было все равно: за долгое время они оба успели изучить друг друга, и она знала что он не начнет пытаться спровоцировать драку с соседями (неподалеку заседал шумная компания зеленокожих оттау, каркающий смех которых раздражал Мышку неимоверно) или со скрипучим механическим официантом, принесшим счет (оказывается, черный эль знатно подорожал, но Сокол все равно не дал Мышке заплатить за себя), хотя последнее ее весьма бы позабавило.

Веселый и Вьющийся Острова соединялись десятью Мостоми, один из которых был настолько узок, что пройти по нему двум людям плечом к плечу было весьма проблематично.

Но хмельные Мышка и Сокол всегда ходили именно по Узкому Мосту – это тоже было их маленькой традицией – как и то, что напарник всегда провожал ее точно до дверей.

– Мышка... – скрипнул напарник, когда она уже переступила порог квартирки.

– Что?

Сокол слегка приподнял уголки губ в подобии улыбки.

– Ты тоже красивая, – сказал он и, сразу отвернувшись, отправился прочь, оставив Мышку в одиночестве.

Глава 2

Вы гораздо больше, чем сами считаете. Не ползите по грязи, если можете парить.

Андрэ Нортон. «Неизвестный Фактор»

Проснувшись Мышка с больной головой и тяжестью на душе. Если вчера еще осознание не пришло, то сегодня... Они провалились. Опять. И больше подкрепления можно не ждать.

Откинув алый балдахин, Мышка сползла с кровати и отправилась в умывальню – смыть остатки хмеля. Из зеркала, обрамленного обсидиановой крошкой, на нее смотрела растрепанная красноволосая и красноглазая девица в багряном шелковом халате. Вздохнув, она быстро умылась и кое-как привела себя в порядок.

При мысли о том, что снова надо будет искать «этих» в бесчисленном множестве миров Паутины, Мышка застонала. За что ей все это? Зачем она вообще пошла в Патруль? «Как будто у тебя был выбор», – ехидно сказал внутренний голос.

Отправив нахала по неприличному адресу, Мышка превратила халат в легкое красное платье до колен, а тапочки – в удобные туфельки. На Выющем Острове имелось несколько

ко заведений, где можно было бы позавтракать, и Мышка, прислушавшись к своим ощущениям, поняла, что голодна. Если вспомнить, что вчера в ее желудке побывали только несколько орехов и парочка мясных чипсов, то это и неудивительно.

Стук в дверь застал ее в тот момент, когда она поворачивала ручку, собираясь выходить, поэтому напарник был вынужден отпрянуть, ибо она едва не зашибла его.

– О, я как раз за тобой собиралась! – улыбнулась Мышка.

Сокол, как всегда облаченный в черный плащ, хмыкнул.

– Я так и подумал, – скрипнул он. – В «Ленте шепота» сегодня рыбный день. Так что, туда предлагаю не идти.

Мышка скрипнула зубами. Чем ей нравилась «Лента шепота», так это тем, что там возможность отравиться сводилась к нулю, в отличие от всех остальных заведений Выющегося Острова. Но рыба... бр-р-р... Мышка ненавидела рыбу – любую. Из какого бы мира эту рыбу не доставили.

Разделял ли Сокол ее нелюбовь, Мышка не знала, но за полтора века сотрудничества, она не замечала, чтобы он ел то, что когда-то плавало в воде. Все-таки, хорошо иметь напарника, который тебя понимает!

– Попробуем не отравиться в «Холодной весне»? – предложила Мышка.

Сокол пожал плечами.

– Давай попробуем. Потом сразу на Остров Знаний, или ты хочешь отдохнуть?

– Отдохнула уже... кстати, сколько ты проспал?

Они спустились по обшарпанной деревянной лестнице и вышли под испещренное разноцветными нитями миров небо. Домики для патрульных были неказистые, но улицы Вьющегося Острова в первый момент могли поразить любое воображение: посыпанные желтой каменной крошкой, они змеей извивались вокруг огромного сверкающего кристалла, напоминающего кривую пирамиду и висевшего среди нитей Паутины. Немногочисленные здания ютились в выдолбленных в кристалле нишах, а на вершине пирамиды – пологой, будто срезанной ножом невероятных размеров, располагался небольшой парк, где можно было отдохнуть между рейдами и просто неплохо провести время. В сожалении, именно что времени у Мышки и Сокола больше не было.

– Четырнадцать часов.

– А я восемь.

– Я проверил: три минуты.

Мышка удовлетворенно хмыкнула. Относительность времени в Паутине сначала заставляла ее разум сворачиваться в трубочку, но потом она привыкла. Сокол проспал четырнадцать часов, Мышка восемь, а прошло всего три минуты.

Двух месяцев, отведенных Первым на закрытие дела «Этих», им хватит.

Должно хватить. Если они правильно распорядятся этим временем.

Наскоро позавтракав, напарники отправились на Остров

Знаний – он был похож на огромный замок, висящий в пустоте. Широкие окна взирали на Паутину междумирья черными провалами, создавая весьма жуткое впечатление, но внутри было довольно уютно. Здесь были читальные комнаты на любой вкус: уютные каморки с камином и свечами, компьютерные залы, широкие помещения, в которых можно было воссоздать звездные карты любого из миров, заставленные письменными столами галереи, а еще – индикаторная, которая и была сердцем этого Острова. Именно туда и держали путь Мышка и Сокол.

Индикаторная представляла собой обширное помещение, посреди которого сиял сотнями оттенков широкий столб, на первый взгляд выполненный из стекла. Из чего этот столб был сделан на самом деле – Мышка не представляла, да особо и не задумывалась – ей в свое время хватило длинной инструкции по пользованию этой штукой. Именно здесь, в индикаторной, время теряло смысл, а пространство представляло собой одновременно бескрайность и исчезающе-малую величину.

Именно здесь, особым образом прикоснувшись к псевдо-стеклянному столбу, они могли найти «этих» в тот момент, когда они достаточно проживут в новом для них мире, чтобы начать «фонить».

«Эти» вообще были весьма неудобными клиентами. Даже поначалу обнаружить их можно было только через несколько лет пребывания в новом мире, а уж сейчас эти ребята впол-

не могли урвать у судьбы и Патруля целый десяток! Все дело было в их поведении – чем меньше они выделялись, тем меньше «фонили» – ведь подстраиваясь под основных обитателей и их уклады, а не пытаясь их изменить, они ничем не могли навредить мирозданию. К сожалению, даже так, не влезая в политику и мироустройство, однажды они выдавали себя – и шла цепная реакция.

Они начинали «фонить». И тогда Мышка и Сокол могли их найти.

– Знаешь, я думаю, что могу уже даже на них не настраиваться, – заметила Мышка, кладя левую ладонь на теплую поверхность индикатора.

– Неудивительно, – прохрипел Сокол, делая то же самое, только правой рукой. – Иногда мне кажется, что я найду этих ребят и без этого столба.

Его рука лежала совсем рядом, и Мышка чувствовала прикосновение его мизинца к своему. Почему-то от этого мимолетного касания в ее душе разлилась щемящая нежность. Она вдруг подумала, что когда они закончат и выйдут, наконец, на пенсию, она больше никогда не увидит Сокола.

Их пути разойдутся. Навсегда.

Пожалуй, ей будет не хватать этого скрипучего дистрофика со страшными шрамами на лице. Интересно, а он что об этом думает? Будет ли он скучать по Мышке?

– Тринадцать лет, – сказал напарник, и Мышка вздрогнула, смутившись своих мыслей. Это все из-за того, что Голуб-

ка пыталась его соблазнить, точно!

– Т-ты о чем? – Мышка подняла голову и встретила глаза с бельмами напарника.

– Тринадцать лет в мире Шзар. А потом они начали фонтить. Послушай!

Он взял ее руку в свою, и положил туда, где только что была его ладонь. Мышка почувствовала, как ауры «этих» тоненьким писком звучат в ее голове.

– Только не это... – простонала она. – Шзар... не могли в каком-нибудь другом месте воплотиться!

Сокол пожал плечами.

– Они уже столько миров перепробовали... скажи спасибо, что они не у эльфирцев – вот там без подкрепления точно делать нечего. А с шзарцами мы справимся, я думаю.

– Это ты так только думаешь, – проворчала Мышка. Зажмурившись, она впитывала в себя всю доступную информацию: временной отрезок, координаты, внешность... надо же, теперь девчонка из «этих» стала зверем. Черной огромной кошкой. Проклятье, она наверняка намного опаснее своего любовника, пусть тот и человек.

Тринадцать лет в мире Шзар, а здесь, в Паутине прошло чуть больше получаса. Если растянуть время грамотно, то можно успеть напортачить еще пару сотен раз! Все равно подкрепления не будет...

– Если я скажу, что я уверен, тебе станет легче? – в скрипучем голосе Сокола послышался сарказм.

Мышка вздохнула и убрала руку с индикатора. Повернувшись к напарнику, она обнаружила, что он стоит почти вплотную к ней. Она на миг почувствовала себя неловко, оказавшись между столбом и... высоким, как тот столб, Соколом.

– Нет, не станет, – запрокинув голову, она, сердясь на себя за странные мысли, посмотрела на напарника. – Потому что ты не уверен.

– С чего ты взяла? Шзарцы, конечно, интересный народец, но по сравнению эльфирцами или оттау, просто дети. А с оттау мы с тобой уже сталкивались.

–... и еле унесли ноги, – напомнила Мышка, отодвигая напарника подальше. Шмыгнула носом. – И это еще при том, что тогда у нас *было подкрепление*

– Никто не обещал, что будет легко, – равнодушно ответил Сокол и отвернулся. – Растяни время еще минут на пять. Я хочу потренироваться перед тем, как мы прыгнем в Шзар.

Натянув на голову капюшон, он направился к выходу.

– Эй! – Мышка шагнула было следом. – Может, я составлю тебе компанию?

– Не надо, – буркнул Сокол. – Я хочу побыть один.

Пожав плечами, Мышка засекала время и вновь обернулась к столбу-индикатору, чтобы еще раз почувствовать «этих». Лучше несколько раз перепроверить координаты, чем выпрыгнуть незнамо где, а потом искать клиентов по всему миру.

– Пять минут на сколько растянуть-то? – спохватилась Мышка, но Сокол, конечно, уже ушел.

Им не нужно было договариваться о месте встречи. Точнее, так уж было заведено, что если перед делом они разделяются, то встречаются уже в Черной Комнате, возле порталов.

Но Сокол просил растянуть время... а Мышка отвлеклась на индикатор, так и не задав вектор... в общем, интересно, напарник случайно не превратился в дряхлого старика? Впрочем, никто не заметит разницы.

Наверное.

Выругавшись, Мышка, сбивая ноги, побежала по Эфирному Мосту, соединяющему Остров Знаний с Черной Комнатой – самому короткому, самому ненадежному из всех, но, как ни странно это не звучало – у нее не было времени. Сейчас они встретятся, и все поправят. Если Сокол, конечно, ее дождется...

Эфирный Мост представлял собой подвесную конструкцию, которая шаталась и скрипела. А еще от него все время что-то отваливалось. Только безумные находили в себе смелость ступить на него... зато он был короче всех, а Мышка действительно очень торопилась.

– Ну и что ты несешься, как сумасшедшая? – невозмутимо спросил Сокол, когда она влетела в Черную Комнату на всех парах, ощущая странную боль в районе большого пальца левой ноги.

– Я... вектор... забыла... по-поставить! – задыхаясь, выпалила Мышка. Хромая, она подошла к Соколу и внимательно посмотрела на него. – Долго ждал?

Напарник скривил губы в улыбке. Выглядел он посвежевшим.

– Три дня, – уведомил он. – И это хорошо еще, что я почти сразу сообразил, что ты забыла задать вектор течения.

– Ты сам виноват! – осознав, что они отделались малым испугом, Мышка включила режим защиты.

– Я? – Сокол, кажется, даже удивился ее наглости. – То есть, ты промариновала меня здесь три дня, и я еще в этом виноват?

– Сам бы растягивал время, если тебе так надо! В следующий раз точно вектор ставить не буду! И живи в мгновении вечно!

– Ты же знаешь, что у меня плохо получается, – примиряюще поднял руки Сокол. – Что у тебя с ногой?

Мышка пошевелила пальцами в туфле. А больно ведь!

– Ничего страшного... Ты лучше скажи, ты все три дня тут проторчал?

– Нет, – напарник сощурился и, к вящему смущению Мышки, опустился перед ней на одно колено. – Я сначала потренировался...

– Что ты дела... ай!

Сокол, не обращая внимания на возмущенный выкрик, снял ее левую туфлю с ноги.

– Идиотка... ты что, по Эфирному Мосту сюда добиралась? – злым голосом спросил он.

– Сам такой, – огрызнулась Мышка, чувствуя, как его холодные пальцы гладят ее по ступне. – Я торопилась...

Это для него прошло три дня, а она все еще не оправилась от неловкости, когда стояла между ним и столбом.

– Точно идиотка... до крови ведь палец разбила, – вздохнул Сокол. – Потерпи, попробую что-нибудь сделать.

До крови? Вот это она бежала, однако... честно говоря, мысли были настолько заняты растянутым временем и напарником, что она толком и не помнила, спотыкалась ли она. Очевидно, спотыкалась.

Положение опять было каким-то неловким. И усугубилось оно тем, что в Черную Комнату зашли Морок и Левша – двое еще совсем молоденьких патрульных, на лицах которых отразилась такая гамма чувств, когда они увидели Мышку и Сокола, что Мышка оглядела себя, начав подозревать, что стоит голышом.

– Вы что тут де-делаете? – заикаясь, спросил Морок, стремительно краснея. Хм, интересный оттенок, может стоит в такой волосы перекрасить?

Сокол в последний раз погладил мышкину ногу и аккуратно поставил ее на пол.

– Лучше туфли на мягкие ботиночки смени, – он запрокинул голову, и на его лице появилось озадаченное выражение. – Ты чего покраснела-то?

Она... что? Покраснела? То есть, в придачу к красным волосам и красному же платью у нее красное лицо?

Неудивительно, что Морок и Левша подумали не то... Надо что-то сказать, чтобы молчание затянутым не казалось.

– Больно просто, вот и все. Это... сдерживала стоны...

Кажется, Морок и Левша услышали только последние два слова. Они паскудно захихикали, а Мышка поняла, что краснеет еще больше.

Сокол тем временем поднялся и бросил на весельчаков взгляд исподлобья. Смех сразу сошел на нет.

– Вы кажется, сюда по делу? – пытаюсь придать себе уверенный вид поинтересовалась Мышка. Надо бы еще холодку в голос... но холодка-то как раз Мышка совсем не чувствовала. Щеки пылали, будто их с Соколом действительно застали за чем-то неприличным.

Морок и Левша переглянулись. На Сокола они старались не смотреть, и Мышка прекрасно понимала, почему: напарник нахмурил брови, прищурил глаза и скривил губы в полуулыбке.

– Конечно, по делу, – проскрипел он, заводя руку за спину и сжимая пальцы будто бы на рукояти невидимого меча. – В Черную Комнату просто так не ходят. Не так ли, парни?

Парни, кажется, уже поняли, что они пришли сюда не в добрый час. Что-то блея в качестве извинений, они долго пятились, пока не угодили в один из открытых порталов.

– Будем надеяться, что они смогут найти дорогу туда, ку-

да им надо, – Мышка не знала, что ей больше хочется: расхохотаться или все-таки стукнуть напарника по башке. – Ты зачем так?

Сокол вздохнул и опустил руку.

– Ты против? – осведомился он.

– Ну как сказать, – вздохнула Мышка. – Теперь они всем разнесут, что мы с тобой... это... развлекались в Черной Комнате.

– Теперь – не разнесут, – веско ответил Сокол и шагнул к одному из порталов – огромной оранжево-красной окружности, абсолютно плоской, если пытаться ее обойти. Вообще, Черная Комната была отделана исключительно красным камнем, и Мышка хотела бы посмотреть на того шутника который назвал Остров Порталов именно Черной Комнатой.

– С чего ты взял? – Мышка трансформировала туфельки в мягкие ботиночки и покорно шагнула следом за ним.

Напарник хмыкнул.

– Потому что будут бояться, что я приду к ним в тот момент, когда они явятся на отдых и сожру их сердца. Ведь именно так делают эльфиры.

Мышка поравнялась с напарником и ткнула локтем в бок.

– Эльфиры здорово тебя покромсали, но это еще не значит, что ты стал одним из них. А все-таки здорово, что ты мой напарник!

Сокол удивленно повернулся к ней. В оранжево-красном свете парящих вокруг порталов его волосы казались яр-

ко-рыжими, а в бельмах будто зажглись маленькие огоньки.

— Кто ж еще вовремя залезет мне под юбку в самый неподходящий момент!

С этими словами Мышка весело рассмеялась, стряхнув с себя всю неловкость последних нескольких дней-минут, и первой шагнула в портал.

Мир Шзар славился в Паутине тем, что попасть в него случайно означало верную смерть — его жители без всякого Патруля почти мгновенно выявляли чужаков и жестоко с ними расправлялись.

Вычислить чужаков на шзарской земле действительно было несложно: из-за своеобразной внешности коренных обитателей — пусть и человекоподобных, но все же не совсем. Перепутать шзарца с человеком было абсолютно невозможно. Женщины носили здесь рога — при этом форма и размер рогов зависели не от возраста, а от каких-то расовых особенностей, — а вот у мужчин были ярко-выраженные кошачьи черты: огромные песчаного или рыжего цвета гривы, сплюснутые носы и раскосые глаза, преимущественно — зеленые.

Сокол и Мышка, будучи патрульными, всегда мимикрировали под аборигенов, куда бы не заносила их судьба, поэтому то, что сейчас они остались в истинных формах, здорово выбило их из колеи.

– Это еще что за фокусы? – растерянно проговорила Мышка, разглядывая совершенно нормального Сокола, облаченного в охряного цвета штаны и свободную рубашку. То есть нормального для себя самого, но никак не для шзарца.

Напарник нахмурился и, протянув руку, погладил ее по голове. Мышка поняла, что у нее тоже рога не выросли. С ужасом глядя, как напарник пропускает сквозь пальцы ярко-красные пряди ее волос, она могла думать только о том, что они очень ошибались, когда думали, что пропали в мире Энова.

Они пропали сейчас. Потому что вернуться в Паутину они смогут только когда их жертвы покинут этот мир тем или иным способом.

– Я... что делать-то? – Мышка огляделась, и с облегчением обнаружила, что выпали из портала они за пределами города, в котором, очевидно, обосновались «эти».

Сокол поджал губы. Было видно, что он тоже растерян и одновременно очень сердит.

– Если Первый хотел от нас избавиться, он мог бы просто вышвырнуть нас из Патруля! – прошипел он сквозь зубы. Мышка понимала, что злится он не на нее, но все равно попятилась: уж больно устрашающе выглядел напарник. – Но этот... этот... эта высочайшая тварь предпочла лишить нас и камуфляжа! Очевидно, «забыл» нас предупредить!

Мышка глубоко вздохнула, пытаясь совладать с накатывающей паникой. Они в Шзаре. Они выглядят чужаками.

«Эти» тоже – по крайней мере, мужчина. Он тринадцать лет прожил среди шзарцев, скрывая свою сущность, до того, как начал «фонить».

Жаль, нельзя у проконсультироваться, как именно ему это удалось... представив, как они вламываются в жилище «этого» (знать бы еще, где оно) с просьбой помочь замаскироваться под местных, немного помогла поставить разум на место.

– Брось, Сокол, – сдавленным голосом произнесла она. – Даже если бы мы знали о том, что камуфляжа у нас тоже нет, мы бы все равно сунулись сюда. У нас нет выбора, ты же понимаешь это, да? Или мы отправляем «этих» в родной мир, или нас вышвыривают из Патруля без права на пенсию.

Напарник оглядел себя и нахмурился. Только трансформировав свой наряд в привычный черный плащ, он немного успокоился.

– Хоть это не отобрали, – проворчал он.

Мышка мелко кивнула. Да уж, если бы у них не осталось еще и возможности изменять одежду, их дела были бы совсем плохи... хотя, казалось бы, куда уж хуже.

Напарник поднял на нее взгляд и опять нахмурился.

– Тебе лучше остаться здесь, – сказал он. – Без рогов в городе тебе делать нечего. Я еще смогу притвориться больным местной лихорадкой – у мужчин во время болезни выпадают и обесцвечиваются волосы, и они прячут свой позор под капюшонами, а вот ты...

– Я не собираюсь...

– Мышка. Ты забыла? В Шзаре строгий патриархат, и женщины здесь – бесправны. Если бы не это, ты могла бы еще притвориться той, у кого рога просто спилены... но ты ведь помнишь, кому именно спиливают рога в этом мире?

Мышка моргнула. Вспомнила. Похолодела.

А ведь напарник по-своему прав. В мире Шзар со спиленными рогами ходили только падшие женщины...

– Мы будем прекрасной парой: дохляк и шлюха, – неловко пошутила она. – Я не собираюсь сваливать на тебя всю работу, понятно?

– А я не собираюсь подвергать тебя опасности! – рассердился Сокол. – Ты хоть представляешь...

– Заткнись. Все я представляю, – Мышка отвернулась от напарника, и принялась разглядывать местность вокруг. Не хотелось, чтобы он видел ее страх. Без камуфляжа она чувствовала себя голой, и никак не могла отделаться от мысли, что за ними кто-то наблюдает.

Немного успокаивало то, что невидимок в Шзаре не водилось, а любого другого наблюдателя легко можно было бы заметить: они выпрыгнули из портала неподалеку от города, стоявшего посреди пустыни. Красный песок отражал свет оранжево-желтого солнца, впитывая в себя его жар и сразу отдавая. Подумав об этом, Мышка сразу почувствовала, как у нее горят ступни, и торопливо трансформировала сандалии в ботинки на высокой подошве.

Красный песок... Мышка любила красный цвет, но сейчас, в свете последних событий, он ассоциировался у нее исключительно с кровью. Что ж, помня дикий нрав местных жителей, это было даже нормально: она была уверена, что красные барханы пропитаны жидкостью, что течет по жилам...

Вот только нагонять страх еще и этим Мышка не собиралась. Она уперлась взглядом в окруженный белыми стенами город. Стены были широкими, и, приглядевшись, можно было заметить, что по верху время от времени курсируют странные транспортные средства, больше всего напоминающие поезда из трех вагонов. «Поезда» были тоже белыми.

А вот дороги к самому городу видно не было. Наверное они выпрыгнули с противоположной стороны.

Мышка вдохнула полной грудью, ощущая, как горячий воздух пустыни красного цвета обжигает легкие, с удивлением отметила, что она чувствует себя, как в душной сауне, хотя влажности здесь взяться было вроде как и неоткуда, и преобразовала свою одежду в местную хламиду с капюшном. От яркого красного цвета пришлось отказаться, поэтому хламида была светло-бежевой.

Может, ей удастся хотя бы некоторое время скрывать отсутствие рогов?

– Мышка... – скрипучий голос Сокола прозвучал особенно противно.

– Не спорь, – она приосанилась, накинула капюшон и дви-

нулась по направлению к городу. — Я все равно пойду с тобой. Мы напарники. Мы должны работать вместе. И только вместе мы справимся.

Сокол догнал ее и зашагал рядом. На лице его застыло упрямое выражение. Мышка опасалась, что он что-нибудь выкинет. Она очень надеялась, что он помнит, чем закончилась история, когда они разделились.

— Мы должны быть вместе, — сказала она с нажимом.

Ей не нужно было смотреть на него. Она просто почувствовала, что он глубоко вздохнул.

— Я знаю, Мышка. Я знаю.

Надеясь, что это означает, что глупостей напарник делать не собирается, Мышка немного расслабилась.

Утопая в красном песке, они кое-как добрались до городской стены, дальше отправившись вдоль нее в поисках какого-нибудь входа. Раз в пятнадцать-двадцать минут над ними с устрашающим грохотом проносились местные поезда. Жутко хотелось пить: солнце стояло в зените, и стены не давали тени, которая могла хоть немного спасти от удушающей жары. Мышка изо всех сил сдерживалась, чтобы не снять капюшон — ей казалось, что под ним ей совершенно нечем дышать. Хотелось содрать с себя всю одежду, а лучше сразу кожу, окунуться в холодную воду и... пить... пить ее, захлебываясь от наслаждения, ощущать внутри себя прохладу, а потом...

— Эш. Хорошо хоть знание языка осталось. Вот было бы

интересно, если бы мы еще и немыми притворялись, – горло Сокола пересохло, и он откровенно хрипел.

Мышка даже не сразу поняла, о чем он говорит, и продолжила идти, ничего не видя перед собой. Ничего, кроме красного песка, по которому текла такая желанная вода. Сейчас. Сейчас она опустится на колени и сможет напиться.

– Мышка! – рука Сокола сжала ее предплечье, не дав зачерпнуть вожаденной жидкости. – Что ты делаешь?

– Ручей... вода... пить...

– Мышка, никакого ручья здесь нет! – кажется, напарник испугался. Он дернул ее на себя и развернул, заглянув в глаза. – Это мираж.

– Мираж... – тупо повторила Мышка. И только потом до нее дошел смысл его слов.

От осознания того, что утолить безумную жажду не получится, она едва не расплакалась.

– Мы дошли до входа... видишь? – он взял ее за плечи и повернул к белоснежным воротам, на которых местными буквами, больше похожими скальные надписи древних людей в иных мирах было написано: «Эш».

Вход в город. Точно! В городе будет вода! Надо просто в него попасть!

– Мышка... – теперь голос напарника звучал угрожающе. – Если я правильно помню – ворота открываются автоматически: они служат защитой от песка, а не от чужаков. Нам нужно просто войти. Но если ты будешь вести себя, как

идиотка, то у нас ничего не получится!

Мышка сглотнула вязкую слюну. Напарник прав: надо собраться.

– Отпусти меня, я не буду делать глупости, обещаю. Легенду оставляем стандартную? Учитывая местный строй, конечно...

Сокол медленно убрал руки, и Мышка едва удержалась от того, чтобы не шагнуть к воротам и неистово в них застучать. Пить хотелось *слишком* сильно.

– Главное, чтобы никто не выяснил, что моя сестра – шлюха, – проворчал Сокол.

Напарник первым шагнул к воротам и уверенно в них постучал.

Скрип ворот был раздражающе громким и противным. Механизм визжал, горько жалуясь на длительное отсутствие смазки. Оно и неудивительно: когда шзарцы изобрели паровой двигатель, они не пошли по стандартному пути, а опустили транспорт под землю, туда, где нет вечного палящего солнца. Пожалуй, эти ворота действительно не открывались несколько лет.

Мышка очень боялась, что когда они ступят на стеклянную мостовую города Эш, поблизости не окажется колодца. А еще она боялась, что их лишили права на оружие – то, что они остались без прикрытия настолько выбило их из колеи, что они не проверили эту возможность, а теперь, в городе, вызывать из пустоты оружие было бы глупостью.

Но колодец оказался в пределах двадцати шагов, и, увидев его, Мышка позабыла обо всем на свете. У колодца был ржавый подъемный механизм, но зато он не требовал применения физической силы – пожалуй, изможденная жаждой Мышка смогла бы только нырнуть в колодец, потому что поднять со дна тяжелую емкость она была не в состоянии.

Когда вода коснулась ее языка, Мышка ощутила поистине всеобъемлющее счастье. Не сдержавшись, она застонала от наслаждения, чувствуя, как разгоряченное тело наполняется прохладой. Откинув капюшон, часть воды она вылила себе на голову, фыркая, когда капельки попадали ей в нос.

– Если ты еще раз снимешь капюшон, я свяжу тебя, найду какой-нибудь подвал и спрячу там, а сам отправлюсь ловить «этих», – Сокол бесцеремонно натянул капюшон обратно. – Ты совсем ума лишилась? А если тебя кто-нибудь увидит?

Вода подарила облегчение, и Мышка, наконец, смогла нормально соображать. Пока напарник утолял жажду, она хорошенько огляделась, будучи уверена, что все, что вокруг нее – не мираж. В тени белоснежных стен стояли белоснежные же дома, в основном двухэтажные. Сокол и Мышка стояли посреди широкой безлюдной улицы, и никого не встретили они лишь потому, что шзарцы предпочитали ночной образ жизни. Сейчас было время сна, вот поэтому она была уверена, что их никто не видел. Дороги в Эше, как и во всех остальных крупных селениях мира Шзар, были изготовлены из плавленого красного песка, и на вид плитки действитель-

но казались стеклянными. Однако хрупкостью стекла они не обладали, наоборот: расплавленный красный песок, застывая, превращался в один из прочнейших материалов всей Паутины, не то, что одного мира.

Жаль, что то, что принадлежит миру, не может его покинуть, рассыпаясь в мелкую пыль, оказываясь в другом мире. Вот в междумирье – да, можно было найти все, что угодно. Но жить долго в Паутине дозволено лишь избранным. Тем, кто своей деятельностью обеспечивает самое главное: изоляцию миров.

Потому что пока те, кто живут в разным мирах, не знают друг о друге, они не будут воевать. Потому что те, кто случайно попадает в чужие миры, нарушают основные принципы существования Паутины.

Путешественники между мирами должны быть извлечены и отправлены домой. Или убиты.

Только так и не иначе.

Дома стояли так плотно друг к другу, что казалось, что между ними и вовсе нет просвета, однако чуть дальше на левой стороне улицы Мышка заметила просвет. Подходящее место чтобы проверить, с чем же они в итоге остались. Подкрепления нет, камуфляжа нет, но если Первый лишил их права на оружие, то сомнений в том, что их послали на смерть, не останется. Тут уже будет не воспитательный момент, а откровенная казнь неугодных.

Или избиение младенцев, это уж как посмотреть.

Дождавшись, когда Сокол умоется, она кивнула на проулок, сделав страшное лицо, зная, что он ее поймет. Сейчас, когда разум прояснился, она поняла, что они здорово шумели, а если вспомнить, что выглядят они, мягко говоря, экзотично для местного населения, им не стоит сильно светиться. Возможно, им повезет, и им не придется долго притворяться. Все-таки, в образе падшей женщины Мышка еще никогда не бывала. И пробовать совсем не хотелось.

Сокол проследил за ее взглядом и кивнул. Кажется, ему в голову пришло то же самое. Не говоря ни слова, он направился туда. Мышка еще раз огляделась, а потом, убедившись, что из черных провалов окон за ними никто не наблюдает, двинулась следом.

Очевидно, Паутина решила над ними сжалиться, потому что оружие послушно материализовалось в ее руке. Пистолет с барабаном на тринадцать патронов при желании мог превратиться и в саблю, и в лазерную пушку. Сокол тоже извлек из воздуха свой излюбленный меч.

– Ну что ж, хотя бы это мы не потеряли, – напарник выглядел даже немного довольным. – С деньгами как?

Мышка уронила пистолет, и он растворился в воздухе. Вытянув ладонь, она с облегчением наблюдала, как на ней появляются местные деньги – кругляши из зеленого, красного и синего камня.

– С деньгами тоже хорошо, – кивнула она. – Живем, Сокол!

– Живем, – согласился напарник.

Жизнь перестала казаться сплошной чередой неудач, хотя, если разобраться, оружие и деньги были доступны им всегда. Однако, после того, как они лишились подкрепления и камуфляжа, даже немногочисленные остатки бывших привилегий воспринимались, как невероятное везение, а не само собой разумеющееся. Воистину, все познается в сравнении!

Еще раз напившись из колодца, напарники отправились вдоль по широкой улице, следуя так называемому *зову* – чувству направления, доступному всем патрульным, вышедшим на охоту. К сожалению, перед глазами у них не сменяли друг друга вереницы цифр, означающих расстояние между ними и объектами охоты, а грамотное извлечение предполагало работу по зачистке того, что чужаки успели натворить, но именно в этом отношении Мышке и Соколу с «этими» повезло: ребята просто пытались жить, поэтому зачистка требовалась самая минимальная: немного потерянного времени, немного свернутого пространства – и готово. К сожалению, власть над временем и пространством давалась уже после извлечения, иначе бы Мышка и Сокол не тащились по пустыне, умирая от жажды.

Через пару-тройку сотен метров улица раздваивалась, и напарники свернули в правое ответвление. Дома перестали липнуть друг к другу, между ними иногда даже встречалось нечто напоминающее небольшие садики, в которых росли странные растения, больше похожие на облепленные черны-

ми перьями тонкие палки. И здесь же они встретили первого шзарца: солнце потихоньку склонялось к горизонту, и город начинал оживать.

Увидев мужчину, одетого в хламиду из мягкой желтой ткани, который с поистине кошачьей грацией мягко ступал по мостовой, Мышка напряглась. Все-таки напарники были вынуждены скрываться под капюшонами, а это всегда выглядит подозрительно. Но шзарец лишь безразлично мазнул по ним взглядом и прошел мимо, очевидно приняв Сокола и Мышку за парочку бродяг. Это немного приободрило Мышку. Если все остальные будут столь же безразличны, у них есть шанс разобраться с «этими» не строя из себя большого и шлюху.

Хотя, за бродягами тоже особый надзор – если они нарвутся на местный аналог полиции, то ничего хорошего их не ждет. Будь проклят Первый, отобравший у них маскировку! Если их раскроют, то разорвут на части, приняв за демонов!

Улица с садами закончилась, сменившись чем-то похожим на оазис по шзарски, очевидно местный парк. Палки с перьями стали намного толще и выглядели откровенно устрашающе, одним своим видом заставляя Мышку ежиться от беспричинного ужаса. Ей все время казалось, что за черными стволами кто-то скрывается. Или что-то. Опасное. Нереальное. То, что хочет причинить ей, Мышке, зло.

– Ты чего дрожишь? – тихо спросил Сокол.

Пожалуй, только присутствие напарника не давало Мыш-

ке опрометью кинуться прочь из этого места, а шагать степенно и уверенно, делая вид, что она имеет полное право находиться здесь.

Вообще-то, она имеет это самое право. Она – патрульная, а не попаданка. Вот только по милости Первого разницы почти нет.

– Эти деревья меня... раздражают, – не то, чтобы Мышке было стыдно, но показывать свой страх не хотелось. Даже Соколу.

Впрочем, кажется, он все равно понял.

Солнце клонилось к горизонту, жара быстро спадала, и что-то подсказывало Мышке, что ночью будет прохладно, если не холодно.

Очень хотелось, чтобы Сокол обнял ее. Просто почувствовать тепло его руки на своем плече. Хоть ненадолго, но внушить себе, что она в безопасности. Но в мире Шзар женщины были приравнены к домашним животным, и Сокол просто не мог этого сделать. Иначе они привлекли бы ненужное внимание, потому что шзарцев вокруг становилось все больше.

Да и хотел ли он? Иногда Мышке казалось, что она слишком уж полагается на Сокола, а сама не делает ничего полезного. Возможно, он давно уже пожалел, что в напарницы ему досталась именно она. Будь она немного выше, она вполне могла бы притвориться мужчиной, страдающим от лихорадки. Но с ее ростом об этом не может быть и речи.

Сокол шел чуть впереди, расправив плечи и приосанившись. Мышке же наоборот приходилось время от времени одергивать себя, потому что по правилам местного общества женщина – не важно: жена, сестра, подруга или мать – должна идти позади мужчины, склонив голову к земле. Удержаться, чтобы не начать глазеть по сторонам, было трудно, чего уж там...

Когда жуткий парк закончился, и они вновь оказались на нормальной улице, Мышка вздохнула с облегчением. Ее все время подмывало обернуться и посмотреть: не наблюдает ли за ними кто-нибудь из темных дебрей, но и тут пришлось сдержаться. В мире Шзар женщины так себя не ведут. И любая провинность, показавшаяся мужчине-покровителю достаточно серьезной, карается спилкой рогов. С этого момента женщина считается падшей, и если кто-нибудь из мужчин над ней не сжалится, взяв себе в черные служанки на самую тяжелую и грязную работу, то у женщины остается только один путь. Точнее, два. Или начать продавать свое тело, если оно еще сохранило молодость, или умереть от голода.

Мышке не грозили подобные кары, но неудобно было все равно.

Солнце скрылось за городскими стенами, и на Эш сразу же опустились сумерки. Тут и там загорались газовые фонари, стилизованные под летающих рогатых ящериц, синий огонь бликами играл по стеклянной мостовой, и город теперь представлялся таинственным и даже красивым.

Город оживал.

Следуя *зову* они миновали еще две улицы, постепенно приближаясь к центру Эша. Об этом говорили и более яркие фонари, и более мелкая плитка стеклянной мостовой, и «подросшие» здания, окруженные садами и украшенные лепниной – довольно уродливой по мнению Мышки, но сразу было видно, что здесь живут люди побогаче. Точнее, шзарцы, а не люди, конечно.

Теперь, когда вокруг было много местных, Сокол и Мышка не могли толком поговорить: женщина в принципе не имела права заговаривать первой, а напарник упорно молчал, время от времени бросая в ее сторону косые взгляды. Очевидно, после того, как местный парк нагнал на нее жути он проверял, не испугалась ли она еще чего-нибудь.

Стало стыдно.

А потом как-то незаметно стыд превратился в раздражение, и после очередного взгляда, брошенного в ее сторону, Мышка едва сдержалась, чтобы не заехать напарнику ногой. Куда-нибудь. Куда достанет. В конце концов, она не слабая хрупкая девочка! Она – патрульная!

Тем временем, они вышли на центральную и единственную площадь Эша. Место, где сходились все дороги и начинались новые. Посреди площади, там, где нормальные люди устанавливают фонтаны или статуи, стояло одноэтажное здание, совершенно простое на вид. Выполненное из белого кирпича, оно было будто измазано кровью: местные архи-

текторы подумали, что это интересно – сделать окна из плавленого красного песка. Окна при этом были такой причудливой формы, что Мышке оставалось только подивиться подобной фантазии.

В этом здании находился вход в подземные чертоги великого зла... то есть, подземку, соединяющую Эш с другими селениями. Именно поэтому на главной площади всегда были люди, хотя Мышка и сомневалась, что подземка работает без перерывов.

– Опять думаешь про великое зло? – остановившись у края площади, усмехнулся Сокол, бросив на нее очередной косой взгляд.

Подземный транспорт шзарцев представлял собой адскую машину с рогами из закопченной стали, тянувшую за собой вереницу шипастых вагонов, поэтому неудивительно, что про него в Паутине ходили сотни анекдотов.

Мышка с удовольствием бы вернула напарнику усмешку, но улыбаться, ухмыляться, фыркать, усмехаться, а так же кривить губы женщинам в Шзаре было запрещено.

Особенно, на людях.

Поэтому пришлось просто склонить голову в «почтительном поклоне», ибо ответить было нечего.

Это-то ее и спасло.

Что-то негромко свистнуло, раздался глухой звук и предназначавшийся ей дротик вонзился Соколу в грудь.

Напарник булькнул, протянул руку к Мышке и рухнул за-

мертво, а она заметила, как из его закрывшихся израненных глаз текут кровавые ручейки.

Яд? Снотворное? То, что их раскрыли, было совершенно понятно, и Мышка просто отметила данный факт, совершенно этому не удивившись. Волноваться и паниковать она будет потом, когда появится время. Стараясь не думать, чем именно была смазана игла дротика, поразившего сердце Сокола, Мышка вызвала оружие, откинула капюшон и немного отступила в сторону, оказавшись в тени одного из домов на краю площади. Судорожное сканирование местности ничего не дало, кроме осознания, что на них никто и не обратил внимания.

На заполненной жителями города площади замертво упал человек, и никто не обратил внимания. Этот факт Мышка тоже просто отметила, потому что удивляться было некогда.

Проследив глазами по предполагаемой траектории выстрела, Мышка обнаружила, что стреляли, очевидно, из верхнего окна трехэтажного здания, которое они с напарником миновали пару минут назад. Темнота накрывала город бархатным ковром, а окно было еще темней. Конечно, все это было просто воображением, но Мышке казалось, что оттуда расползается чернильный мрак.

Надо было бежать, но оставить напарника вот так она не могла. Надо хотя бы узнать жив он, или просто спит... хотя, возможно, смерть от яда была бы предпочтительней. С чужаками шзарцы расправлялись жестоко и кроваво, и ес-

ли Мышка сейчас попробует сбежать, спасая собственную жизнь, Сокол обречен.

А если не попытается – обречены оба.

Мышка застыла в нерешительности. В такие моменты обычно вызывалось подкрепление, и сейчас она искренне пожелала Первому попасть в объятия эльфирцев. Потому что без камуфляжа Мышка могла только отстреливаться. Потому что чем больше местных жителей обнаружат чужака, тем больший урон будет нанесен мирозданию.

Потому что Сокол лежал без движения, и Мышка не хотела думать, что с ним.

– Попалась, золли! – раздался голос откуда-то слева. Обернувшись, Мышка увидела матерого шзарца с шикарнейшей гривой, скалой возвышающегося над ней. Будь она в камуфляже, она бы тоже была наделена хорошим ночным зрением, а в своем обычном обличье она просто его не заметила!

Не теряя времени, Мышка подняла оружие и приставила его к груди негодяя.

– Ты... что с моим напарником? – спросила она. Шзарец назвал ее золли, что на местном наречии означало «мелкая». Кажется, ее не воспринимают всерьез.

Шзарец, несколько не испугавшись, ухмыльнулся. Пожалуй, это даже хорошо, что здесь женщины ничего не стоят. Это местные ничего не стоят! А она...

Почти неощутимый укол в шею, и вот ее сознание путает-

ся, а тело оседает на твердую мостовую из красного стекла...

Шзарец был не один.

Глава 3

*Конец будет там и тогда, когда и где мы его найдем.
Андрэ Нортон. "Неизвестный Фактор"*

Сознание возвращалось медленно и мучительно, волнами накатывая пониманием, что все плохо. Совсем плохо. Почему? На этот вопрос она ответить пока не могла. Как не могла вспомнить, как же ее зовут. Виктория?

Голова отзывалась жуткой болью, казалось, что сейчас она взорвется заляпав кровью... что? Где она? И как же ее зовут? Вера?

Надо открыть глаза. Сквозь веки пробивается свет, она точно знает, что вокруг очень светло... звуков почти нет, лишь шелест ткани. А еще она чувствует, как ее щеки обдувает свежий ветерок. Как же все-таки ее зовут? Вивьен?

Болят суставы рук. Она висит на руках. Чувствует, как ноги касаются пола. Надо перенести тяжесть тела. Она делает это со стоном боли. Ей очень больно. А еще, она никак не может вспомнить свое проклятое имя! Ванесса?

Виола. Точно. Когда-то она носила имя Виола. Но сейчас у нее другое имя. Неправильное имя. То, которое она взяла сама, а не данное ей при рождении.

Да и не имя это вовсе...

«Мышка», – слышится чей-то жуткий голос. Этот голос ножом по стеклу режет ее слух. Нет, он ей не слышался. Он прозвучал у нее в голове.

Точно. Ее зовут Мышка.

И она...

Воспоминания яркой вспышкой ворвались в ее разум, и Мышка резко открыла глаза, пораженная жутким знанием.

Сокол мертв.

Нет... она не знает этого точно! Напарник просто не может так с ней поступить! Они были вместе полтора века, вместе они попадали в плен оттау, когда их хотели зажарить в печи и сожрать, вместе они прошли по ядовитой голубой земле мира Корн и остались в живых, вместе они шли над Долиной Пропастей в мире Нур, срываясь на каждом шагу и поддерживая друг друга...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.